

САНДРА
БУШАР

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОТЕЦ МОЕГО
ПАРНЯ

Сандра Бушар

Отец моего парня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67058652

SelfPub; 2022

Аннотация

Все началось в Новогоднюю ночь, когда я ждала предложение руки и сердца от своего парня Валеры. Закончилось все тем, что я застряла в окне с задранными по самые подмышки платьем, включенной сигнализацией и разбитой вазой за полмиллиона! Не спрашивайте, КАК это произошло. Спросите лучше КТО пришел меня «спасать»... Он – человек, который на дух меня не переносит. Взгляд отводит с презрением. Он – старше. Он – отец моего парня.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сандра Бушар

Отец моего парня

Глава 1

– ЛОНДОН?.. – ошарашенный голос осип и задрожал. Я сжала кулаки, чтобы не расплакаться от отчаянья и стыда. – Ты уезжаешь в Лондон на полгода?

Валера радостно закивал, глаза его заблестели от восторга. Меня аж перекосило.

– Да, представляешь? Может, даже до конца учебы, если повезет и папа напряжется! – грудь парня вздымалась от переполняющих его эмоций. Он, кажется, не замечал, насколько униженной и раздавленной я была в тот момент. – Ты рада за меня, малыш? Правда, супер-новость?

С Валерой мы встречались уже больше двух лет. Он был самым завидным парнем на курсе, но еще с первого дня учебы обратил на меня внимание. Но по-настоящему встречаться мы стали намного позже, когда я смогла ему довериться.

Он был заботливым и милым. Осыпал меня комплиментами и подарками. Перед Новым годом он все уши прожужжал, дескать, у него для меня «особенный подарок», который, цитата: «я никогда не забуду». Мол, мне нужно подготовиться, чтобы «не упасть в обморок от счастья»!

Моя глупая и наивная голова видела лишь один вариант – предложение руки и сердца. Именно поэтому я вбухала всю накопленную стипендию в шикарное облегающее красное мини-платье. Дико неудобное и постоянно поднимающееся вверх на моих объёмных ягодицах. Но на фото для потомков должно было выглядеть супер!

– А ну-ка улыбнись... Чи-и-из! – Валера заставил меня вернуться в суровую реальность, когда вспыхнула вспышка «Полароид» с мгновенной печатью. На фото мое лицо было похоже на забитого до смерти котенка. Обнять и плакать. – Этот день войдет в историю, Машка! Просто ух!

Я несдержанно всхлипнула, утерев нос ладонью. Валера был импульсивным и где-то глуповатым, но я всегда принимала это его качество за что-то умильное. До сегодняшней новогодней ночи!

– Валер, – понуро выдала я, и парень повернулся ко мне, вопросительно подняв бровь. – Это все? Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

Он задумчиво потер затылок, и внутри меня вспыхнула надежда. Лишь на мгновение.

– О, точно! Дурная моя голова. Момент... – Валера выставил указательный палец вперед. Дескать, жди!

И скрылся из гостевой, оставляя меня одну около «Новогоднего огонька» по телевизору и горящей разноцветными огоньками елки. Спустя минуту он появился с маленькой коробкой, и сердце мое забилось быстрее. Я перестала дышать,

когда парень встал на колени и протянул мне заветный бархатный цветок лотоса.

– Хочу видеть твою реакцию, когда ты откроешь... – нервно заговорил он и улыбнулся. – Уверен, это будет фурор!

Медленно открывая коробку, я уже представляла себе кольцо, которое буду носить всю оставшуюся жизнь, как вдруг мир вокруг померк...

– Что это за хрень? – нахмурившись, я достала из коробки красный значок и повернула Валере. – Ты ничего не перепутал? Это точно мне?

– Эх... Село ты! – закатил глаза он и глубокомысленно игрек:

– Это такие значки, которые носят ТОЛЬКО члены клуба «Стар Нью». Привилегированное общество лондонской элиты при том вузе, где я планирую учиться! Папка похлопотал! Теперь я – один из них, ясно тебе?

В голове произошла перезагрузка системы. Что вообще происходит?..

– А мне ты нафига это подарил? – сорвалось с губ.

– Я не подарил, а показал, – сделал ударение парень, а затем и вовсе вырвал из моих рук значок. Поцеловал его и обратно в коробочку засунул. – Хотел, чтобы ты за меня порадовалась! Ты, конечно, странная, Маша... Ничем тебе не угодишь!

– А на коленях зачем? – голос предательски дрогнул, нер-

вы начинали закипать. Он реально не понимал, что выстав- лял меня полной идиоткой, или это такой розыгрыш?

– Так это... – он задумчиво потер затылок, – Для эффек- тности, во!

– Нет... – я судорожно вдохнула кислорода до жжения в легких. От злости перед глазами мерцали разноцветные пят- на. – Ты, конечно, беспросветный придурок! Как тебя вооб- ще в Лондон взяли?

Я ждала предложения руки и сердца, готовилась к незабы- ваемому вечеру и к не менее незабываемой ночи. Потому что Валера именно об этом мне и намекал! Хотела отдать свою девственность тому единственному, кто станет моим мужем. Даже на эпиляцию ходила, намазалась всякими пахучими маслами в нужных местах. Но единственное, чего хотелось дать сейчас Валере, – это звездюлей.

– Ой, полегче! Не забывай, с кем разговариваешь! – вспы- лил парень, хмурясь. – Я вообще-то сын депутата! Все упра- шивать меня должны поступить в их вуз! А ты у нас кто, а? Жопа с сиськами на ножках!

– ЧТО?! – закричала я, оглушая саму себя. – Да пошел ты на хрен, имбецил недоделанный! Засунь этот значок себе ту- да, где твой мозг был, когда ты решил, что ТАКОЙ сюрприз МЕНЯ обрадует. Я охренеть как рада, что ты меня бросаешь!

Губы Валеры вытянулись в тонкую линию, а затем он вдруг замахнулся и ударил мне по щеке ладонью.

Больно, между прочим. От шока стало не по себе. Я уста-

вилась в злые глаза парня, которые когда-то казались родными. Валера никогда не был со мной груб ранее. Возможно, лишь потому, что до сегодняшнего дня я не задевала его завышенное самолюбие.

– Ты, – он ткнул пальцем мне в грудь, и я содрогнулась от шока и ужаса, – Неблагодарная овца, понятно? Ты должна быть рада, что я обратил внимание именно на тебя! – а затем в глазах его появилось озарение, и он заржал как лошадь. – Ой, подожди! Или ты решила, что я тебе предложение буду делать? Где я, а где ты, Маш? Ну не смейся. Львы не спариваются с крысками.

Новый словесный удар пришелся похлеще физического первого. Меня прямо отнесло назад, к широкому окну. Я оперлась на стекло, спиной ощущая прохладу. Она бодрила и предавала сил.

– Че-е-ерт... Как я могла быть с тобой два года?.. – прошептала, скорее, себе, чем ему. Кроме того, что Валера оказался глупым, он был еще и очень жестоким. Способным ударить. И не раз, судя по сжатым кулакам и стиснутым зубам. А мы в доме одни, что окончательно пугало.

– Два года меня доила, сука, – качнул головой он, внимательно осматривая меня с ног до головы. От его взгляда по телу прошли нехорошие мурашки. – А мы даже не потрахались! Вот я уезжаю завтра... Самое время, малыш, цветочек-то твой сорвать!

– Как я тебя доила, а? Напомни-ка! Ой, стой... Ты что, перебухал, да? – я краем глаза заметила отпитуемую до середины бутылку виски, к которой я даже не притронулась. Неужели алкоголь на него так действовал? – Валер, я, наверное, поеду в общежитие... А ты езжай, куда хочешь. Я тебе эту пощечину не прощу. Между нами – все.

– СТОЯТЬ! – рявкнул он не своим голосом, и я буквально вжалась в окно от ужаса. – Все настроение мне испортила и в кусты?! Никуда тебя не пущу. Будешь сейчас отрабатывать все те подарки, что я тебе два года дарил.

– Да какие подарки, Валер? Конфетки с цветочками? Хочешь, я тебе наличкой на карту скину? – испуганно затараторила я, оглядываясь по сторонам. Присматриваясь, чем, в случае чего, можно было бы обороняться. Потому что мне совершенно не нравилось, с каким бешеным лицом Валера на меня надвигался. Будто не только виски принял, а и что-то покрепче.

– В жопу себе засунь эти деньги, – рявкнул он, а затем истерически рассмеялся, как какой-то придурок из ситкомов. – Или давай я засуну, а?

И тут до меня начало доходить нечто, что совершенно не нравилось.

– Валера-а-а... Тот порошок, что я у тебя утром в куртке нашла, это же не мука была, да?

– Не мука, догадливая моя, – согласно кивнул он, и я вся сжалась. – Но тебя это не касается. Лучше думай о том, в

каких позах я тебя сейчас трахать буду, малыш.

– Ч-что? – от страха зуб на зуб перестал попадать, испарины пота стекали по телу.

Валера был уже совсем близко, когда я подхватила стоящую рядом вазу и кинула в него. Парень пригнулся, и диковинная фигура угодила в стену позади него. Разбилась в мелкую пыль.

– Су-у-ука! – схватившись за голову, Валера присел от шока. – Ты вообще знаешь, сколько она стоит? Полмиллиона! Отец для нее специально охрану отдельно оплачиваемую заказал с датчиками движения... – Я бросила краткий взгляд на то место, где стояла ваза. Действительно, под ней находилась маленькая кнопочка. И когда я вазу подняла, кнопочка замигала алым. – Тебе пи*дец, Маш. Но... Ты не переживай! Я тебя убью сейчас, папка навредить не успеет.

Перед глазами потемнело еще на фразе про полмиллиона. Развернувшись к окну, я быстро его открыла и высунула голову на мороз, жадно вдыхая аромат снега. Он бодрил, но недостаточно для того, чтобы придумать выход.

В загородном доме Валеры окна открывались не как у обычных людей – в бок. А как в американских фильмах – снизу-вверх. И рама какая-то странная – железная. Как только заиграла сигнализация, диковинное окно начало закрываться. Было это настолько странно, неожиданно и внезапно, что среагировала я не в первую секунду, а во вторую. Попыталась отодвинуться, а Валера не дал. Он крепко прижал мою

спину к широкому подоконнику. Где мои пятьдесят пять килограмм и его сто?!

– Что ты творишь, придурок?! – закричала я, пытаюсь вырваться. – Отпусти, мне холодно!

– А пусть приедет охрана и увидит, что это ТЫ разбила вазу, а не Я! Пусть папка тебя в лесочке прикопает, а не меня... – заключил этот умник, когда окно намертво прижало меня к месту, обездвиживая напрочь. – А я вообще свалю из дома подальше... Перекантуюсь до завтра в гостинице.

– Ты вообще разум потерял? – сорвалось с дрожащих губ спустя секунду. Руки оказались на улице и тут же замерзли. Как, собственно, и грудь. – У вас тут полный участок охраны. Я сейчас кого-то позову и...

– Спасибо за наводку, идиотка! – перебил меня этот вконец конченный мудака. Хлопнул по ягодице и отошел. – Сейчас я дам им команду не реагировать на твои крики. В отсутствие бати они обязаны подчиняться мне. Иначе вылетят нахер! А такую зарплату никому терять не хочется. Пусть думают, что это у нас такие брачные игры.

– Если ты меня так оставишь, Соколов!.. – зарычала я, пытаюсь протиснуться. Ни-че-го. Будь у меня плоская попа или маленькая грудь – все бы вышло. Но и тем, и другим природа, увы, наградила по полной! – Я убью тебя. И поедешь ты не Лондон, а в кутузку.

– Посмотрим, Воронцова, куда я поеду, – покачал головой парень. – Но если служба охраны не приедет в течение

получаса, то найдут тут твой труп. Папка-то меня отмажет, всем насрать на какую-то безродную шлюшку. А тебе будет уроком!

– Ну ты и скотина... – хлюпая носом, прошептала я. Более бедственное положение представить сложно. – Сейчас ведь новогодняя ночь! Никто вообще может не приехать! Все же бухие до потери сознания...

– А вот и проверим, насколько ты везучая, – смеясь, заключил он. А затем сделал нечто безумно детское, заставляющее буквально зарыдать в голос: задрал мое платье, обнажая тонкие, едва заметные стринги. – Вот пусть они тебя в таком положении найдут... Ха-ха!

Затем он просто ушел, несмотря на все мои мольбы и призывы о благоразумии. Видимо, он действительно отдал охране какой-то приказ, потому как они никак не реагировали на мои крики спасти. Стоит признать, что я согрелась от страха. Внутри бурлила кровь, и снег таял на теле, буквально становясь горячим.

Окна комнаты выходили на заднюю часть дома, но я все равно услышала, как отъехала машина. Этот гондон таки уехал!

– Чтоб тебе провалиться, придурок! – зарычала я, пытаюсь выскользнуть внутрь. Но чем больше двигалась, тем сильнее придавливало меня окно к подоконнику.

Не прошло и пяти минут моего позора, как слыша-

лось какое-то подозрительное движение на улице. Я прислушалась, замерев, и радостно завизжала. Валера вернулся! Неужели протрезвел?

Когда внутри дома послышались тяжелые шаги, я нервно топала ногами, заставляя себя молчать. Буду ругаться, когда он меня выпустит! Такое ему строю, ух... А пока помолчу... Ибо нефиг ухудшать положение.

Шаги остановились в дверях гостиной. Наверняка гость меня заметил. Я прямо чувствовала его взгляд на своей голой пяткой точке. Внимательный и цепкий, буквально нагло рассматривающий.

– Чё пялишься, придурок? – закричала я, не без труда просунув руку на территорию дома и показав ему средний палец. Правда, верх ногами. Но, не думаю, что из-за этого смысл потерялся. – Высвобождай меня давай, иначе я нахрен оторву тебе то место, которым ты сейчас думаешь!

И тогда он двинулся вперед. Чем ближе приближался, тем больше увеличивалась странная щекотка внутри. С каждой секундой становилось все жарче и волнительней. Человек замер в шаге от моей пятой точки, и я буквально почувствовала исходящие от него флюиды желания. И энергетика была какая-то странная. Совсем не как у парня... Сильная и властная, что ли.

И тогда я зачем-то напряженно выпалила:

– Валера?..

Ответа не последовало, но я себя настоятельно убедила,

что никто другой в дом войти не может. Напугать меня, что ли, решил? Так поздно!

– Если я выберусь отсюда живой, – злобно пообещала ему я, – то пи*дец тебе, дорогой мой. Я тебе осколки этой вазы в задницу засуну. А что не влезет – заставлю съесть.

Кто-то присвистнул и удивленно рассмеялся, а затем и три раза хлопнул в ладоши. По спине моей прошли мурашки, а сердце упало в пятки. Потому что этот кто-то был явно НЕ ВАЛЕРА.

– Голая задница в моей квартире, – философски начал рассуждать взрослый бархатно низкий голос. Я прямо чувствовала, КУДА именно мужчина смотрит в этот момент, – еще и ругается, м? Как необычно! Я... ошеломлен.

Сердце ушло в пятки, а из глаз брызнули слезы, когда я поняла, КТО именно стоит за моей спиной. КТО именно вернулся в дом. И КТО именно застал меня почти обнаженной!

– Дмитрий Петрович? – пропищала я, про себя моля услышать отрицательный ответ. Кто угодно, но не отец Валеры. Не этот высокомерный сноб, который за два года ни разу мне в глаза не посмотрел. Я пыталась быть милой, а он только взглянет и сразу отворачивается. Мол, недостойна я его сына.

– А кто еще? – с вызовом и явной иронией мужчина обошел меня полукругом. – Пришло мне, значит, сообщение на телефон о погроме моего дома. А я тут с друзьями на соседнем участке. Дай, думаю, к сыну загляну, проверю... Все ли

нормально?

– Простите на вазу! – запричитала я, на нервной почве поджав ягодицы. Могу поклясться, что слышала судорожный вздох, исходящий сквозь стиснутые зубы из уст мужчины. – Поверьте, если бы я знала, что она такая дорогая...

– Не разбила бы? – предположил он почему-то весело. Что, нахрен, смешного в ситуации? Мне вот выть в голос хотелось!

– Разбила бы, но что-то другое... – я начала судорожно вспоминать, что там еще у окна под рукой было. – Например, розовую вазочку кинула бы в вашего сыночка вместо белой – как вариант!

– Эта та, которая полтора миллиона зеленых? – охренел Дмитрий Петрович, и я закашлялась. Но он благо не ждал ответа, а строго спросил: – Чем Валерка мой заслужил?

Не в моих правилах было жаловаться, и я уж точно не собиралась рассказывать всю историю моего позора с предложением, но было кое-что, что в медицинских целях отцу Валеры надо было знать:

– Кажется, он употребил запрещенные вещества с виски, и ему башню снесло. Он мне гадостей наговорил и даже ударил. Думаю, доза там не маленькая. А потом сел за руль и... – затараторила я, но вздрогнула, когда Дмитрий Петрович зарычал:

– УДАРИЛ?! – затем я услышала, как он быстро набирает кого-то на телефоне и уходит, что б его: – Жди, Машунь.

Сейчас я ему устрою веселый вечерок в общественном нар-кодиспансере. Его на ближайшем посту ГАИ тормознут.

– Эй, может, вы меня сначала выпустите, а? – возмутилась я, но тот уже из комнаты ушел. Так что говорила я себе под нос. – Или хотя бы платье опустите...

На улице шел снег, буквально хлопьями валил. Я смотрела, как маленькие кристаллики танцуют в свете лампы, и мечтала проснуться. Сегодняшний день должен был войти в историю. Еще утром я думала, что люблю Валеру, а сейчас поняла, что на самом деле любила лишь слово «любовь». Этот парень проявил свое нутро, и мне больше не хотелось никогда его видеть. А заодно хотелось оказаться подальше от гребаного дома Соколовых.

– Значит так, – постановил деловито Дмитрий Петрович, оказавшись рядом спустя считанные мгновения. – Я связался с охраной. Сказал, чтобы они сняли блокировку окон. Но из-за тебя, дорогуша, рама заела. Придется ждать мастеров на выезде.

– А может, ломиком? – с надеждой предложила я.

– Тут специальный магнит нужен. Новые технологии, знаешь ли, – заключил мужчина и снова замолчал.

– Я вам теперь еще и за окно должна, – застонала в голос. Разве может этот вечер стать более унижительным? Чем я во-

обще заслужила такое от вселенной?

– Ничего ты мне не должна, – строго отрезал мужчина. Да так, что спорить не хотелось. – Пусть сыночек мой, что б его, отрабатывает!

Мне показалось странным ощущение, словно Дмитрий Петрович постоянно пялится на мою пятую точку. Ну не может он... Просто не может! Где я, а где он?

– Мне холодно, – пожаловалась я.

– А? – одернулся Дмитрий Петрович, будто я пробудила его ото сна и ринулся с места. – Сейчас я дом обойду и замотаю тебя в пледы какие-нибудь.

– Могли бы для начала платье мое опустить! – прокричала я ему уже в след. А он, как будто специально, не слышал.

Дмитрий Петрович возник перед моими глазами спустя минуту, не больше. В его руках была черная вязаная шапка, варежки и махровый утепленный плед.

– Тепло тебе, девица? – многозначительно выгнул бровь тот, когда единственным голым местом со стороны улицы остался лишь мой нос. Почему-то щеки мои смущенно покраснели.

Все-таки, отец Валеры был безумно симпатичным. До встречи с ним я была искренне уверена, что мужчины за сорок пять – старики. Страшные, покрытые морщинами, с лишним весом и потухшим взглядом... Этот же был поджарый, с горящими глазами и белоснежной улыбкой. Ни дать ни взять. Харизма в нем очень сильно притягивала, а ка-

кой-то внутренний стержень заставлял чувствовать уверенность в каждом сказанном слове.

– Очень, Дед Мороз! – сморозила я и тут же почувствовала себя полной идиоткой. Потому что Дмитрий Петрович стушевался на слове «дед», будто я черту крест показала. – То есть...

– Я понял, Маш, – жестко перебил меня тот, сжав зубы. – Дед, так дед.

Он не дал мне даже договорить, просто развернулся и пошел в дом. Я думала, он не вернется в гостиную, пока мастера не приедут. Ошиблась. И как только он оказался рядом, внутри меня разыгралась такая нешуточная благодарность, отчего я с порога ему прокричала:

– Дмитрий Петрович, вы не дед! Это же выражение такое! Вы очень даже ничего... Вернее, очень даже чего! Вам больше тридцати не дашь. Признайтесь, девственниц на завтрак едите?

– Ты пила, да? – после небольшой заминки удивленно протянул он.

– Не-а, – без капли лжи пожала плечами. В смысле... Пожала бы, не придави меня рама. А так вышла лишь какая-то жалкая конвульсия.

– Ну... – он снова завис. И я даже догадывалась, на КАКОМ месте. – Девственниц не едят, Машунь. Так, для справки. С ними кое-что другое делают.

Я ошалела. Это что, был пошлый юмор от отца моего пар-

ня, да? То есть, бывшего парня!

Отряхнувшись от странного наваждения, разлетевшегося по телу покалыванием, я взмолилась:

– Не могли бы вы платье мое опустить? А то ваш сыночек тут начудил...

– А?.. – снова выпал из реальности тот, затем прочистил горло и невнятно пробормотал: – Конечно, могу... Чего-то мне эта мысль раньше в голову не пришла. Идет тебе, Машка, так... Как будто ничего необычного и не заметил, ага.

Догадывалась я, почему она ему не пришла. Страшно представить, какой там вид открывался... Стринги-то вообще ничего не прикрывали! Две ниточки!

Когда мужские пальцы нежно коснулись моей талии, я с удивлением для себя вздрогнула. По телу волнами разлетелось покалывание, оставаясь где-то между ног. Совершенно новое, неизведанное чувство. От Дмитрия Петровича буквально сочился голый секс. И это пугало!

– Ах! – несдержанно сорвалось с губ, и я тут же закусила их до крови. Да что за черт со мной вообще происходит?!

Дмитрий Петрович нервно сглотнул, пальцы его сжались на моей талии.

– Что с тобой? – хрипло прошептал он. Мне показалось, или в голосе послышалась издёвка? О, да... Он точно знал, что именно со мной.

Кожа по щелчку пальцев покрылась мурашками, когда я ощутила чужое теплое дыхание на своей пятой точке. Он был

так близко... Так охрнительно близко... Но зачем? Какого дьявола?!

– Нет, просто... – судорожно пытаюсь придумать внятное оправдание, я выпалила первое, что пришло на ум: – Спина затекла. Сводит уже, представляете?

– Да я думаю, рыбка. Потерпи немного, – нежно, бархатно, обволакивающе промурчал он, и меня повело. От обычных слов повело! Будто кто-то прямо в кровь литр водки влил, никогда такого не было, чтобы аж колени подкосились.

И когда я уже готова была кричать от своей ничтожности, Дмитрий Петрович, вместо того чтобы все же опустить мое платье, начал массировать спину. Умело и очень даже приятно. Я откинула голову назад, глаза мои закатились, а мозг окончательно поплыл. Сжав пальцы ног, я необдуманно простонала в голос:

—Только попробуйте сейчас остановиться!

– Я уже понял, что с тобой опасно спорить, – усмехнулся мужчина, и на этот раз его лицо было ЕЩЕ ближе. Прямо на урне складок. ГОСПОДИ, БОЖЕ МОЙ.

Мне бы возмутиться. Мне бы прогнать его нахрен! Но – о, дьявол! – я просто не могла... Никто в здравом уме не выкинет свежий тортик, который так и напрашивается на съедение. Дмитрий Петрович был лакомым кусочком, и в тот момент мне было плевать, чем это для меня обернется.

– Тебе нравится? – его голос разливался по коже горячим

воском, заставляя волосы на теле встать дыбом. Это было не просто приятно, это было слишком для моего неопытного тела. Напряжение стало настолько невыносимым, что я крепко сжала бедра, пытаясь загасить очаг возгорания между ног, что не укрылось от внимания Дмитрия Петровича. Точно нет.

– Любишь массаж? – с легкой насмешкой спросил мужчина. Почему-то мне показалось, что слово «массаж» в этом предложении имело совершенно другое, грязное значение.

Но я не любила массаж. Я любила то, что этот мужчина делал с моим телом своим голосом, энергией и прикосновениями к спине. Абсолютная магия. И власть.

– Очень, – хрипло сорвалось с губ. Что? Что я только что сказала? Лучше бы заткнуться!

– Отлично, – резюмировал он, будто получив для себя косвенное согласие на дальнейшие действия.

А затем его пальцы плавно, осторожно и неторопливо начали спускаться вниз, будто играли какую-то великолепную мелодию, доводящую до безумия своим идеальным звучанием и отзывающуюся в каждой клеточке моего тела.

– Тебе хорошо? – голос мужчины стал хриплым, он будто задыхался. Хотя это именно я не могла сделать даже вдох. Особенно, когда его пальцы коснулись моих голых ягодиц и очертили линию между ними. Затем намотали на палец стринги, оттянув их в сторону. Ткань до легкой боли врезалась между складочек, натирая и без того стонущий кли-

тор. Коленки задрожали. И я повисла на подоконнике, когда Дмитрий Петрович отпустил трусики, с легким ударом хлестнувшим меня по коже.

– О, господи! – сорвалось с губ, когда я поняла, как далеко зашла. Как безумно все это выглядело. – Это все неправильно... Не со мной... Так просто не должно быть...

– Правильно. С тобой. Должно быть, – жестко и громко чеканя каждое слово, Дмитрий Петрович словно пытался отпечатать слова в моей голове. – И ты запомнишь все это, потому что я не дам тебе забыть.

Указательным палец мужчины заскользил по дорожке тонкой ткани нижнего белья, с каждым разом позволяя себе опускаться все ниже и ниже. И я боялась продолжения так же сильно, как и желала. Сердце барабанило внутри от предвкушения чего-то невероятного. Все чувства внутри свелись к желанию развязки.

– Вы не можете влиять на меня... – прошептала я самой себе, будто желая привести в чувство. Черт, как же глупо это звучало! Потому как если он бы остановился, я бы умерла в тот же миг от разочарования.

– Уже влияю, – хрипло рассмеялся Дмитрий Петрович и от его бархатного баритона из губ вырвался несдержанный стон. Кажется, и мой голос на него влиял. Потому что мужчина прохрипел что-то неразборчивое, вроде «эта невероятная малышка», а затем произошло что-то совершенно безумное.

Его руки сжали мою попку, развели ягодицы в стороны,

прихватив за собой трусики и освобождая путь к самому сокровенному. Губы мужчины зарылись мне между складочек, размашисто слизывая сочащуюся влагу.

– Блядь, – задохнулся тот, и его слова прозвучали безумно. – Какая же ты мокрая! Просто с ума сойти...

– Нам нужно...

«Остановится!» – хотела промямлить я, но так и не смогла. Слишком прекрасно это было. Слишком остро.

Я чувствовала, как сильно Он хочет меня, как безумно возбужден, хоть и не могла видеть лица. Никто и никогда не желал меня так, как Дмитрий Петрович. Никто и никогда не реагировал так, как он. За эти бесчисленные секунды в отношении данного мужчины я испытала диапазон эмоций шире, чем за всю двадцатидесятилетнюю жизнь. И все они были на грани.

– Господи, – обессилено зарычал мужчина, и спину как током прошибло. – Еще и такая сладкая... Пи*дец! Как я и думал... С ума сойти... Черт тебя дер...

Он вылизывал меня жадно и напористо, будто беря свое. Мне хотелось кричать каждый раз, кода язык касался горошины, в которой копилось все мое безумие. Как глубоко я пала, чтобы дойти до этого? Но как же сильно не хотела ничего менять...

– Да, да... – чем ближе становился оргазм, тем сильнее я теряла себя, мир вокруг казался неважной пеленой. Его просто не было. Дмитрий Петрович делал что-то совершен-

но невероятное своим языком, и, когда подкрался оргазм, я просто разорвалась на миллиарды мелких осколков. Розовая дымка окутала мозг, душа покинула тело! Тело сотрясало снов и снова, пребывая на каком-то новом, неизученном уровне блаженства!

– К черту все, – рыкнул мужчина, шлепнув меня по пятой точке, и резко вскочил на ноги. Он так суетливо расстегнул брюки, судя по звукам, что я сообразить ничего не успела. Лишь вздрогнула, ощутив что-то твердое около складок. Напряженное и очень возбужденное.

– Дмитрий Петрович, – хрипло и испуганно прошептала я, глаза мои округлились. Сейчас, когда частично напряжение спало, я вдруг начала мыслить. И лишаться девственности в тот момент совершенно не хотелось. Тем более, застрывшей в окне. Дважды «тем более» с чужим отцом! – Может...

– Я буду очень нежным... – пообещал он мне, медленно скользя вперед-назад. Изредка проникая немного в глубину. Растягивая меня под себя, заставляя закусить губу до боли от переполняющих чувств. – Тебе понравится, обещаю...

Я слышала безумие в его голосе, и неспособность мыслить. Сейчас мужчина звучал совсем как я пару минут назад. Но – о, мой бог! – я не собиралась отдавать ему девственность из-за жалости!

– Дмитрий Петрович! – уже более смело заявила, но на большее силы не хватило. Все же даже простое скольжение

он смог превратить в какой-то совершенно возбуждающий и приятный процесс. Медленно входил на пару сантиметров и тут же выходил. Перед глазами все темнело. Электричество волнами разлеталось по телу.

– Я отражаю тебя так, что стоять завтра не сможешь, – рыкнул он, толкаясь чуть глубже. И не будь я девственницей, звучало бы это наверняка дико сексуально. – О других и думать не сможешь...

Я не стала уточнять, что «другие» – это вообще-то его сын, ага. Но о Валере более и речи не шло. Он перестал для меня существовать в тот момент, когда ударил. Но за те десять минут, пока я пробыла в окне в одиночестве, поняла, что никогда его не любила. Мы были странной парой: без секса и с редкими поцелуями. Валера никогда меня не хотел. Я не ощущала его желания. Он будто позволял себя любить, и мое внимание было для него лучше любого оргазма.

– Дмитрий Петрович, я вообще-то дев... – начала было я, а затем громкая трель дверного звонка оглушила весь дом. И я радостно хлопнула в ладоши. – Звонят! Срочно откройте.

– Че-е-ерт, – застонал мужчина. Он уткнулся мне лицом в ягодицу, тяжело дыша. Я прямо чувствовала его мысли: открыть или забить. Так что напонила:

– У меня спина уже онемела!

– Да, ну, ёб твою мать! – взорвался тот, а затем раздраженно отстранился и натянул мое платье так низко, как только мог. Посмотрел и заключил: – Лучше вообще не стало, Маш!

Где ты только это нашла? На порно сайте?

Я не стала это никак комментировать и дождалась момента, пока Дмитрий Петрович поспешно оденется и выйдет вон. А спустя минуту комната оживилась. Двое мужчин то-ропливо начали проводить какие-то манипуляции с окном, не прибегая к лому.

– Вверх смотрите, нах! – рявкнул в один момент Дмитрий Петрович, и я вздрогнула от угрозы в его стальном повелевающем тоне. Не трудно было догадаться, что рабочие рассматривали мою пятую точку. А куда им, спрашивается, было еще смотреть? Если остальная часть «пазла» на улице проветривается?

– Сейчас не двигаться, – серьезно предупредил один из них, и я напряглась в предвкушении. – И... Можете вставать! Поздравляю! С Новым годом, красавица.

Я радостно выпрямилась, разминая затекшую спину. Косточки затрещали, глаза закатились от счастья, а из губ вырвался несдержанный стон. Три пары глаз уставились на меня, раскрыв рот. Но Дмитрий Петрович, почему-то, выглядел самым недовольным! На нервной почве ногой топал по полу и зыркал недобро на двух крепких молодых парней. Угрожающе даже.

– Спасибо вам за освобождение, – скинув теплую одежду, я была так рада, что бросилась на шею сперва одному, затем другому. Те раскраснелись и заулыбались.

– Поцелуй в знак благодарности полагается? – смело пред-

ложил один из них, мило робея.

Я уже потянулась к нему, как голос хозяина дома развез пространство, словно молния:

– С удовольствием вас сейчас поцелую, нах! Лицом об порог! – Я удивленно взглянула на мужчину, но он был занят другим: убивал глазами двух невинных парнишек. Очень ничего таких, кстати говоря. Затем еще вопросительно бровь поднял и совсем не приветливо выпалил: – Какого вы еще тут? Ваша заевшая охранная система хреновая все настроение испортила... На выход оба!

Пока парни торопливо собирали свои примочки, один из них подошел ко мне близко и шепнул на ухо:

– Твой батя? Грозный тип.

Я искоса глянула на следящего за ними Дмитрия Петровича и быстро кивнула. Потому как объяснить, кто он, даже самой себе не могла.

– Возьми визитку. Там мой номер и... – начал было тот, протягивая мне квадратную золотую картонку. Как вдруг она оказалась вырвана из рук. Мы оба испуганно обернулись и встретились с лицом Дмитрия Петровича. Настолько злым, что даже у меня сердце остановилось.

– ПОШЛИ. ВОН! – отчеканил он по слогам, и те ринулись к выходу, как школьники какие-то. Прямо пятки засверкали. А вот меня к выходу не пустили, преграждая путь.

Мужчина окинул меня таким многозначительным взглядом, что не осталось сомнений, чем именно он собирается

со мной заниматься, когда закроется дверь. Только вот я уже не хотела. И вообще считала все это позорной страницей в своей биографии.

Стыдно было даже смотреть в глаза Дмитрия Петровича... Такие бездонные, карие, невероятно пронзительные... О чем это я?

– Вам там нужно еще кое-что подписать... – запричитал один из них уже около выхода из гостиной. – Это важно. Иначе мы не можем активировать систему снова. Останетесь без охраны до конца января.

Дмитрий Петрович закатил глаза, сжал кулаки и с полным ненависти взглядом последовал за парнями. Как только он отошел достаточно далеко, я быстро юркнула вслед за ним. К счастью, все трое разговаривали на улице, и я смогла спокойно обуть сапоги в коридоре, натянуть свою белую экошубку и прочие зимние атрибуты. Затем быстро вернулась в гостиную, открыла заново многострадальное окно и быстро спрыгнула на землю. Благо оказалось очень невысоко.

Когда я дошла до центрального выхода, Дмитрия Петрович там уже не было. Пусть думает, что я от него прячусь. Ага... А вот работники были. Как раз аппаратуру в машину паковали.

– Парни! Повезите до города, а? – жалобно спросила я и, прежде чем они успели сказать и слово, села в машину, выглянула в окно и предупреждающе их поторопила: – Если

вы не заведете авто в течение пяти секунд, дракон вылетит из берлоги, и живых не останется. Кто хочет стать первой жертвой?

Это была лучшая магия. Самая рабочая! Парни переглянулись и бегом сели по местам. А уже через минуту мы были вне участка дома Дмитрия Петровича.

Глава 2

Мы уже были на въезде в столицу, когда я заметила, что в сумке нет телефона.

– Что, вернуть тебя обратно? – посмеиваясь, предложил водитель.

– Нет, уж, – истерически хмыкнула ему в ответ я, начиная нервничать.

Сотовый у меня один, денег на новый не было. Вряд ли родители, живущие в другом городе, оценят мою рассеянность и купят новый. У них элементарно нет на это лишних средств.

Парни высадили меня около метро, и уже под самое утро я, наконец, добралась к общежитию. Думая о своем, я пинала сапогами снег, глядя под ноги, как вдруг едва ли не врезалась в элитный люксовый автомобиль, припаркованный у центрального входа.

Его нельзя было ни с чем перепутать. Кроме того, что подобные тачки в студенческие районы не ездят, было еще кое-что. Валера сам мне сказал, что авто у его отца лимитированное. Одна такая «красотка» на всю столицу. Пригнали специально для отца. Стоит как личный самолет. Все уши, блин, прожужжал. И вот теперь я стояла нос к носу с этой черной ласточкой.

– Че-е-ерт! – от мысли, что это Дмитрий Петрович, внутри

стало тошно. Аккуратно заглянула в салон – лишь охрана. Уже легче на душе.

А затем я увидела, как наш комендант, тетя Лида, общается в общем холле с Дмитрием Петровичем. В своем длинном черном пальто с высокими бортами мужчина выглядел на миллион долларов. Даже тетя Лида, чтоб ее, ему глазки строила.

Словно почувствовав мой взгляд, Дмитрий Петрович замер, обернулся. Благо я вовремя за угол спряталась. Ничего не могла с собой поделать. Стыдно было ему в глаза смотреть после того, как я вела себя у мужчины дома, прижатая оконной рамой... Аж коленки свело, и конечности онемели – так не хотелось этой внезапной встречи.

Выход был один. Тот, к которому мы часто прибегали летом или в теплое время года – пожарная лестница. Она проходила аккуратно около нашего окна на третьем этаже. Очень удобно взбираться в комнату после «отбоя». Но! Это в теплое время суток. Сейчас же я оценила слой снега со льдом и задумалась, чего боюсь больше: сломать ногу или встретиться с Дмитрием Петровичем.

Знаю, дурость какая-то, но именно от второго варианта кровь в жилах стыла. Так что, горестно вздохнув, я аккуратно подпрыгнула и принялась медленно подниматься вверх. Благо у нас с соседкой Лерой была идиотская привычка – окна только прикрывать. Потому что если старый ржавый крючок провернешь, потом без помощи мальчишек обратно не

откроешь.

Первые проблемы начались, когда я с ужасом поняла, что просто не допрыгну в своей объёмной эко-шубе до поддонника. В шортиках-то куда легче!

– Что же делать... Что же делать... – кусая бедные губы в кровь, я испуганно посмотрела вниз. Нет, обратно точно не полезу! Набралась смелости и... дотянулась! – Ура!

И когда, как мне казалось, самое ужасное было позади, случилось нечто необдуманное. То, что мой заплывший мозг просто предсказать даже не мог! Часть ткани застряла в щепках деревянной рамы, и я застряла в окне. Снова, черт его дери.

– За что? – застонала я, ощущая острое чувство дежавю. – Господи, что за день-то такой?

Видимо, в прошлой жизни я была маньяком-серийником, потому как другой причины не видела, почему вселенная мне так отчаянно мстит.

– И после этого ты заявляешь, что не пила? – голос внизу был подозрительно знакомый. Наполнен едва скрытым сарказмом. Спасибо, что хоть в голос не смеялся! – Маш, если ЭТО ты еще не пьяная, то я просто ОБЯЗАН тебя напоить и посмотреть степень твоих возможностей.

Холодок прошел от темечка до пят, и он никак не был связан со снегом. Нелепо поерзавши туда-сюда, болтая ногами и хлюпая носом, я с ужасом спросила:

– Как давно вы там стоите?

– Почти с самого начала шоу, – ошарашил меня этот умник. Я сперва разозлилась, а потом заплакала от новой порции неловкости. Господи, пусть бы кто угодно меня так нашел, но не Дмитрий Петрович! Только не он...

– А чего не отговорили лезть? – зачем-то спросила я. Бред какой! Зачем ему отговаривать-то? Ему вообще на меня пофиг должно быть.

– Хотел посмотреть, как далеко ты зайдешь. Да и если бы я тебя отговорил, то видео для социальных сетей не снял бы, – хмыкнул мужчина. Я с трудом повернула голову. Вывернулась так, что чуть позвоночник не сломала. Снимал, гад! СНИМАЛ.

– Не-е-ет, еще этого мне не хватало! Господи-боже... – на этом моменте стойкость меня покинула, а из глаз брызнули слезы. Я пыталась себя контролировать, пыталась... Но слишком много всего навалилось за один день.

– Ах... Что ж с тобой будешь делать-то? – горестно и как-то бархатно-нежно-мягко вздохнул Дмитрий Петрович. На душе прямо почему-то потеплело. – Горе мое луковое...

Я не знала, чем именно он занимается на земле, не стала проделывать снова тот опасный маневр с позвоночником... Но рядом шелохнулась пожарная лестница. Я замерла от пугающей мысли: он взбирается вслед за мной!

– А ты веселая, Машунь, – не без издевки выпалил Дмитрий Петрович, оказавшись на уровне третьего этажа. – С тобой не соскучишься.

Я посмотрела на него и обомлела. В обнимку с пожарной лестницей мужчина выглядел, как герой фильмов шестидесятых. Не хватало только цветов в зубах и признаний в вечной любви.

Тут же отряхнулась. Что за мысли идиотские?

– Веселее, чем Новый год с друзьями отмечать? – в шутку спросила я, внимательно изучая реакцию моего дважды спасителя. Тот же многозначительно уставился на мою пятую точку, и я в смущении отвернулась.

– Определенно, – хрипло и низко протянул он. – Этот день превзошел все мои ожидания.

Я не стала спрашивать, о чем именно он толкует. Зачем? Все мысли напрочь выветрились из головы, когда его уже знакомые пальцы коснулись моей попки, чтобы подтолкнуть вперед. Тело так и заискрило!

– Ваши руки! – воскликнула я громко и с ужасом.

– Да, рыбка моя, – хмыкнул тот, сжимая пальцы. Я уже не знала, лапает он меня или заталкивает внутрь? – Это мои руки. Привыкай!

– Я не о том, – быстро отмахнулась. От двойного смысла в его словах стало жарко... Хотя, кого я обманываю? Был там только один смысл и очень прямой. – Как вы держитесь? Скользко ведь!

– Переживаешь, – самовольно констатировал Дмитрий Петрович. И если бы на моем теле оказались все еще не бу-

рые участки, точно покраснели бы. – Ногами, Машунь. Нога-ми.

Видимо, мужчина понял, что просто толкнуть – мало. Поэтому натянул мою шубку, послышался треск ткани, а затем я, наконец, влезла с окно. Почувствовал под ногами землю, обернулась и облегченно выдохнула лишь на мгновение. Потому что моя чертова шуба оказалась порвана на две части. Даже не по шву, не подошьёшь!

– О, нет! Что вы наделали, – перед глазами пролетели все те месяцы, что я старательно откладывала на эту недешевую вещь. Я прямо чувствовала боль шубы, как свою собственную. – У меня другой нет... Черт!

– Спас тебя вообще-то. Хоть бы спасибо сказала, – закатил глаза мужчина, после чего протянул мне руку. – Поможешь?

Я нахмурилась. Почему-то не было мысли, что Дмитрий Петрович захочет оказаться внутри. Быстро обернувшись по сторонам, я оценила тот творческий бардак, что мы с соседкой оставили накануне праздников.

– Спасибо вам большущее! – громко и четко протараторила я, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди. На полу валялись леопардовые стринги, рядом – лиф им в комплект. Чулки в сеточку, в горошек... Господи, еще и боди прозрачное на самом видном месте! – Может, внутрь не надо, а?

– Ну, как хочешь, – пожал плечами мужчина, и я облегченно выдохнула. Думала, он меня пощадил. Куда-то там? Как спортсмен какой-то подтянулся на руках и запрыгнул

внутри. Зачем ему вообще помощь была моя нужна? Полапать очередной раз захотелось?

Дыхание сперло, перед глазами все поплыло. Мы таки оказались с ним лицом к лицу. И, что самое страшное, в запертой наглухо комнате. Полной кроватей.

Точнее, кроватей было всего две, но, учитывая размеры комнаты, они занимали большую часть пространства. Мне было нечем дышать рядом с мужчиной. Потому что он ТАК на меня смотрел... Пронзительно, жадно, в самую душу. Легкие до боли сжимались, а элементарный рефлекс дышать напрочь пропадал.

– Значит, – медленно шагнув вперед, бархатно протянул мужчина, – ты здесь живешь, Машунь? – он так ласково и в то же время нежно протянул мое имя, что бабочки запорхали в животе. Я их тут же разогнала. Ни к чему все это!

– Ага, – нервно кивнула, поджимая пальцы ног.

Воздух стоял тяжелым, тягучим... Опьяняющим мозг. Во рту пересохло. Я судорожно облизала губы, и Дмитрий Петрович нервно кашлянул, оттягивая ворот рубахи. Он выглядел так, будто ему резко поплохело.

– Скажи-ка мне, рыбка... Валера тут был? – как бы невзначай спросил мужчина, и меня как обухом по голове ударило.

Что я вообще творила? Насколько пропащей была? Суток не прошло, а уже почти отдала девственность другому! И не просто «другому», а отцу бывшего парня. Эскортница выс-

шего уровня.

Стало так обидно за себя. Злость заслонила мир вокруг. Я проследила за взглядом Дмитрия Петровича, который внимательно изучал мою кровать, и саркастично выпалила:

– Был! Вот прямо на этом месте мы сексом и занимались, ага, – я поморщилась от того, как мерзко это прозвучало. Мужчина тоже одеревенел, бросив на меня напряженный взгляд. – Простите... Не было тут никого. Этот этаж только для девочек... Только я и Лера.

Он явно облегченно выдохнул, даже не пытаясь этого скрыть. Даже мысль, что у меня был с кем-то секс, оказалась ему явно неприятна. Хотел сам кровать протестить?

– Ну, – многозначительно поднял бровь мужчина, – я-то как-то зашел, правда?

Дмитрий Петрович непрозрачно намекнул, что если бы Валера действительно хотел попасть в мою спальню, то попал бы. Возможно, он был прав. Впервые я так остро задумалась: почему парень меня не хотел? За два года не ступил дальше поцелуев? И главное, почему меня это устраивало?

– Какая прелесть! – воскликнул мужчина, возвращая меня в реальность, а затем пальцем поддел красные стринги с вырезанным на попе сердечком. Мой взгляд против воли упал на ширинку его брюк. Господи, да у него ведь каменный стояк! Как только ткань еще не треснула... – Любимые твои, да? Прямо так тебя в них и вижу...

Перед походом в гости к Валере я перемерила все нижнее

белье, что у меня было. Включая эти плавки. Но! Тут до меня дошло: Дмитрий Петрович не мог этого знать.

– С чего вы решили, что это вообще моя кровать? – глубокомысленно изрекла, обнимая себя руками. Как будто пытаюсь удержаться в рамках приличия. А затем внаглую соврала: – Это Леры!

– Нет, – уверенно качнул головой он, осматривая плед в красную полоску, плюшевую пчелу и гору учебников. У Леры были только журналы. – Тут твой стиль. Ни с чем не путаешь.

– Откуда вы знаете, какой у меня стиль? – насторожилась я. Ведь мужчина никогда на меня не смотрел! Взгляд не поднимал. Будто я какая-то моль, по ошибке попавшая на лобовое стекло дорогого авто его сына. Недостойная.

И тут же закашлялась. Потому что Дмитрий Петрович намотал плавки на свой кулак, медленно поднеся его к лицу. Ноздри его затрепетали, из губ вырвался странный хрип. Я ощутила его губы на своем клиторе. Вспомнила, каким прекрасным может быть его язык. Воспоминания стали настолько яркими, четкими и красочными, что я едва не кончила.

Господи, да что же за хрень такая? Надо это срочно прекращать!

– Дмитрий Петрович, – спутано пробормотала, растирая руками мокрое от пота лицо. И без того узкое платье облепило меня, как вторая кожа. – Я вам очень благодарна. За все,

честно! Но не пора ли вам домой, а? Я вам даже порванную шубку прощаю. – Он посмотрел на меня цепко, как ястреб, и я перешла на фальцет: – Зачем вы вообще приходили-то?

– Телефон вернуть, – кратко и четко отрезал. Но, мать моя женщина, как же сексуально он звучал! Все еще держа мои трусики в руках. Пришлось закусить губу, чтобы не застонать в голос. Только спустя целую вечность нервного дыхания, смогла выдать из себя:

– Так верните.

– Так возвращаю, – цокнул языком мужчина. А затем сделал три резких движения. Первое – положил мои трусики в свой карман брюк, внимательно изучая мою реакцию. Второе – достал из другого кармана телефон и... О, господибожемой! Третье – двинулся на меня. Как охотник на добычу.

Я вжалась в стенку с широко распахнутыми глазами, ожидая чего угодно. А Дмитрий Петрович подошел вплотную, касаясь своей грудью моей. Его ладони скользнули от самой груди по талии до бедер. А затем еще раз, еще... Много-много бесконечно долгих, изучающих, жарких раз.

– Что... Что вы делаете? – спросила невнятно. Понимая, что в шаге от обморока. Или инсульта? В любом случае, мои эмоции и чувства были далеки от порядка.

– Ищу карманы, – нагнувшись к самому уху, касаясь подушечками мочки, бархатно низко прошептал он. И я не сдержалась. Захрипела. Спина сама прогнулась, когда он крепко сжал ягодицы, изучая их контуры. – Вот и сейчас тоже. Соза-

ди тоже они бывают, что б ты знала.

– Н-нашли? – как какая-то идиотка переспросила. О каких карманах речь? Это платье-резинка. Невооруженным глазом видно!

– Не-а, – пожал плечами тот, наигранно горестно вздыхая. – Но я уверен, что они у тебя были. Проверю еще раз...

Глубокий вдох, рваный выдох. Как же божественно он пах... Мужской парфюм и что-то еще... Неужели естественный аромат кожи? Прямо мурашки по телу. Настоящий афродизиак.

– А в руки вложить сотовый не судьба? – постаралась с осуждением спросить, но вышло так, что жалобно простонала. Как в каких-то порнофильмах. Тьфу!

Все должно было быть не так! Мне давно стоило отвесить ему пощечину и прогнать... Но почему сама мысль об этом мне была мучительна?

– В твои-то руки, Машунь? – неодобрительно покачал головой мой дракон. Стоп. Какой еще «мой»?! – Да они же у тебя явно растут из твоей прекрасной попки. Прямо вот отсюда, ага. – А затем он просто взял и поднял мое платье, касаясь голой кожи. Это было выше моих сил. Выше терпения и... всего на свете. Особенно, когда его пальцы «случайно» заползли слишком низко, касаясь эпицентра напряжения. Того, где было слишком мокро. Так, словно год уже не кончала. Он чувствовал это. То, как сильно я его хочу. Но не подавал вида, продолжая свою странную игру. – Вспом-

ни, как ты вазу разбила. Нет-нет-нет. Им я категорически не доверяю.

Его массажные движения на моей пятой точке походили на какую-то сладкую пытку, напрочь лишаящую мыслей и здравого разума. Я вздрагивала каждый раз, когда его руки опускались между складочек и, натягивая стринги, заставляли их тереться об самое сокровенное место. Снова, снова и снова. Намеренно вырывая с моих искусанных губ рваные стоны.

– Тогда, – перед глазами мерцали неоновые огни. Я жадно вдыхала запах Дмитрий Петровича на шее, и это ни хрена не помогло прийти в себя. Ни капли. – Просто положите его где-то... Какая разница...

Я ждала чего угодно... Но не того, что он меня послушает!

Резко выпрямившись, мужчина оттянул платье на место и выровнялся по струнке. Положил сотовый на низкий барный холодильник рядом и многозначительно выгнул бровь, деловито спросив:

– Так, Машунь?

– Т-так... – от растерянности стало не по себе. Уверена, разочарования скрыть не удалось, потому что Дмитрий Петрович позволил себе самодовольную победную улыбку в мой адрес. Резко захотелось припечатать его чем-то тяжелым.

– Видишь, какой я послушный! Где можно у тебя ручки помыть, золотце? – спросил он невинно, аки ангелочек. – Я помою и, так уж и быть, тебя оставлю. Раз так сильно про-

сишь...

С широко распахнутым ртом я проследила за тем, как насвистывающий себе под нос какую-то незамысловатую мелодию Дмитрий Петрович преспокойно отправился в ванную комнату. Которая, к слову, была у нас общая с Лерой. Одна на двоих, как у приличных людей.

– Не свистите, – крикнула я ему вслед обиженно. Даже агрессивно. И, черт пойми, почему. Ведь правильно поступил. Как я и хотела! Молодец. И все равно было не по себе... – Денег не будет...

– Ха! – саркастично хмыкнул мужчина. – А сейчас их куры не клюют, да, Машунь?

– «Машунь», – передразнила его я. Затем села на низкий холодильник, сложила руки на груди и угрюмо уставилась под ноги. Настроение почему-то испортилось окончательно. – Я Маша. Ма-ша, понимаете?

– Не нравится, да? – участливо спросил тот.

Почему-то воду Дмитрий Петрович так и не включил. Что вообще в комнате тогда делал?

– Не нравится, – соврала я. Из его уст мое имя звучало по-особенному. Как что-то безумно дорогое, ценное и трепетное. Я не хотела об этом думать, но всегда мурашки по телу разбегались.

– Тогда будешь рыбкой, – продолжил свою глупую дискуссию мужчина. Я прямо опешила.

– Чего это?! – ахнула, ерзая на месте от странного нахлынувшего жара.

– Потому что, когда удивляешься, у тебя глаза такие огромные. На пол-лица. И голубые. Аж дух захватывает, – серьезно заговорил мужчина, а я так и прилипла к месту.

Теперь уж дух перехватило у меня от его слов. Но я заставила себя прочистить горло и как можно спокойнее прошептать:

– Это оскорбление. Мне не нравится. Лучше просто – Маша. Как раньше.

– Как раньше... Как раньше уже не получится, – хмыкнул Дмитрий Петрович, и мне показалось, словно эти слова наполнены двойным смыслом больше, чем первые. И прежде чем я успела очухаться, он снова заговорил. – Тогда... Пчелка!

– А это еще за что? Потому что я сплю с игрушкой пчелой, да? – догадалась и отряхнулась, лишь когда услышала пронзительный смех из ванны. Такой, что во рту все пересохло, а коленки позорно задрожали. – То есть она просто на кровати лежит... Не сплю я с игрушками, понятно?!

– Ага, ясенько, – подметил мужчина, и я нахмурилась. Потому что вода так и не включилась! – Нет, пчелка, потому, что у тебя жало очень выдающееся. И, предрекая твои последующие вопросы, отвечу сразу: и переднее, и заднее. Какое больше? Определиться не могу.

Он говорил будничным офисным тоном, но такие вещи,

которые совершенно не стоит говорить девушке сына. Хоть и бывшей! Меня должно было это возмутить. Просто обязательно... Но почему тогда сердце в груди забилося быстрее, а настроение чуть улучшилось?

Нет, я совершенно точно была ненормальная!

– А еще, – не унимался шутник. Я ведь все еще надеялась, что это просто странный подвид раздражающего юмора. Кто-то воск на тело капает, а кому-то в уши подобные «милости» льют. – Ты слишком деятельная. Моргнуть не успеешь, а ты что-то натворила.

Ну, все. Пора было это заканчивать. Резко вскочив на ноги, я жестко выдохнула:

– Вы там не забыли, что руки хотели помыть, а? Шум воды я так и не услышала! Может, тогда дома помоеете?

– Нет, не вариант, – отмахнулся Дмитрий Петрович, а затем елейно жалобно протянул: – Машунь, золотце... Помогите кран открыть? Не могу понять, как эта конструкция работает.

Шестеренки в моей голове отказывались становиться на место. Он что, устал после Нового года? Так на умственно отсталого, вроде, не похож. Или пьяный просто еще? Да, система у нас была старая, советская. Но Дмитрию Петровичу ли не знать ее.

Закатив глаза, я горестно выдохнула и, не найдя в его просьбе ничего такого-эдакого, медленно потопала в ванну. Мужчина встретил меня довольной и умиротворенной улыб-

кой, лишь икринки в глазах напрягали. Заставляли насторожиться.

– Вентиль покрутить пробовали?

– Ага, ага...

– А в другую сторону? – Мужчина покачал головой, будто я какую-то безумно умную речь толкала. Час от часу не легче. Тяжело вздохнув, я повернулась к маленькой раковине и принялась открывать воду. – Дмитрий Петрович, вам бы на свежий воздух, проветриться...

И тут произошло что-то странное. Не успела я сделать хоть какое-то внушительное давление на вентиль, как он вырвался вместе с краном, а поток ледяной воды фонтаном полился из шланга. Сперва обливая меня с головы до пят, а потом... Нет, мужчина успел вовремя отойти.

– Какого черта вы натворили?! – закричала я, пытаюсь впихнуть кран обратно. НИЧЕГО. Руками тоже остановить поток вообще не выходило. Ниагарский, гребаный, водопад!

– Видимо, не в ту сторону покрутил... Какой же я неловкий! Ай-яй-яй... – покачал головой мужчина, затем со знанием дела подошел в ту сторону, где у нас была труба с рычагом перекрытия воды. Повернул, и все прекратилось. Правда, в ванной уже воды по щиколотку было. Тяжело дыша, я уставилась на него, как на врага народа, а он виновато пробормотал:

– Прости, Машунь. Мне так стыдно... Руки-крюки... Что же делать, что же делать? – запричитал тот, но не успела я и рта открыть, как Дмитрий Петрович многозначительно кивнул на мое платье. Я обернулась к зеркалу, и волосы на голове встали дыбом. Оно стало полностью прозрачным. Соски стояли колом от ледяной воды. – Смотрю, ты совсем замёрзла. Да и воды тут целое озеро теперь... Остаться в комнате нельзя... Зима ведь! А у вас батареи холодные.

– Дмитрий Петрович, – угрожающе отчеканила я, сжимая кулаки. Потом подумала немного и прикрыла ладонями грудь. Слишком уж он откровенно на нее пялился. Хоть бы постеснялся! Хотя... О чем это я? Дмитрий Петрович и стеснение никогда не встречались. – Вы не обидитесь, если я вас чем-то тяжелымогрею? Сильно хочется!

– Ты что? Я ж депутат! Оно тебе надо? – покачал головой этот умник, и я заскрипела зубами. Прав ведь! – Есть выход получше. Давай-ка ты быстро переодевайся, а я тем временем вызову кого надо. Пусть починят тут все, приберут. А мы пока съездим в одно место...

– Я бы съездила вам в одно место с превеликим удовольствием... – прошипела себе под нос, а потом громко отчеканила: – В какое еще, черт его дери, место?!

– Как какое? – снова удивился тот, будто все давно было решено. – Шубу тебе новую купим. Я же ту порвал. Меня

совесть так и мучает, так и мучает... Спать теперь спокойно не смогу!

Нет. Все. В тот момент терпению моему пришел конец. Ноги в конец продрогли от холода, тело затрясло. Сжав пальцами вырванный кран и сузив глаза, я четко, медленно и внятно проговорила:

– Я. Никуда. С. Вами. Не. Поеду. Ясно?

– Ясно, – пожал плечами Дмитрий Петрович и вышел из ванны. Потом внаглую лег на мою кровать и даже ноги закинул! – Раз так, то мне спешить некуда, Машунь. Новый год уже позади. Все друзья пьяные вдрызг. Я один трезвый остался... Рюмка не считается! Так что с тобой вместе день проведем. Вот прямо здесь. На кровати. Ты как, согласна?

Закрыв глаза и жадно втянув кислород, я дала себе время подумать, чтобы не сделать чего-то плохого. Меня аж трясло от злости!

– Если я поеду за шубой, – свой голос я почти не узнавала. Больше походил на писклявый рык. – Вы потом оставите меня в покое?

– Естественно! – без капли шуток заявил мужчина, протягивая мне ладонь для рукопожатия. – Честное слово русского депутата!

– Ага, – горестно вздохнула шепотом, – Прямо людоед-вегетарианец какой-то.

– Что-что, пчелка моя? – очень уж радостно пропел этот ч... человек! – Что ты там себе под нос жужжишь?

Внимательно уставившись на Дмитрия Петровича, я пришла к выводу, что он тот еще упертый баран. Не знаю, что он там себе надумал, но мне было проще находиться с ним на свежем воздухе. А еще лучше – в торговом центре. Чем больше людей, тем лучше! Тем более, шубу он мне и вправду порвал, и после устроенного потопа я передумала ему прощать нанесенный ущерб.

– Выйдете, – сдалась окончательно. – Переодеться надо.

– Ты чего? – возмутился тот, даже руку на сердце положил в полном изумлении. Актер из него никакой! Зато видно, что старается, правда, глаза все равно сарказмом блестят. – Какой «выйдете»? Чтобы ты опять что-то сломала или разбила? Нет-нет-нет... Я, как ответственный представитель власти, просто обязан беречь и заботиться о гражданах государства.

– Я сломала, да? Я?! – пораженно ахнула от его наглости, и злость во мне вскипела с какой-то сверхсилой.

Если бы мог пойти пар из ушей, то именно в этот момент. Ярость заслонила собой все вокруг, наполняя меня изнутри адреналином и желанием мести. До безумия хотелось стереть с его лица эту победную ухмылочку.

– Что же... – намеренно равнодушно пожав плечами, я добродушно улыбнулась. – Не хотите уходить, как хотите!

А затем демонстративно убрала ладони, прикрывающие груди. Выровнялась по струнке. Глаза мужчины так и округлились... Могла представить, какой вид теперь отрывался... Плевать! Только в тот момент увидела, какие они ярко-ка-

рие. Его глаза... Прямо вау! На секунду я даже забыла, что вообще хотела сделать. Потом одернула себя и модельной походкой прошла к шкафу.

Распахнула дверцы, уставившись на полки задумчиво. Затем поняла, что стоять больше в холодном и мокром насквозь платье просто невыносимо, как в мороз голой в снег прыгнуть. Не то, чтобы я это пробовала, но именно так себе и представляла!

Поэтому просто взяла и стянула платье, откинув в сторону. Позади кое-кто недвояко подавился и закашлялся. Кровать моя бедная закрипела.

– Ма-а-ашунь, – хрипло и чертовски низко окликнул меня Дмитрий Петрович. – А, Машунь?..

– Что? Выйти резко захотелось? Так я вас не держу, – невинно протянула я, продолжая перебирать полки. Из-за сборов перед праздником все было в ужасном бедламе. Летняя одежда валялась вперемешку с зимней. Никакого порядка, черт ногу сломит.

– Пф! Глупости не говори... Меня вот другое волнует. Тебя белье носить не учили, нет? Или у тебя какая-то антиполитика против лифчиков? – услышался его невинный вопрос, а я лишь равнодушно пожала плечами. Вряд ли его и вправду интересовала эта больная для меня тема, но ответила я честно и на эмоциях:

– А у меня фигура нестандартная. Грудь третьего размера, а талия тонкая. Подходит либо «бабушкин» вариант, ли-

бо то, что по цене как крыло от самолета. Так что я уже привыкла ходить без... Ой! – не знаю, как это могло произойти бесшумно. И как это вообще могло произойти! Он оказался прямо за моей спиной. Тяжелое горячее дыхание обдало мокрые плечи, и кожа мгновенно покрылась мурашками. Облизав вмиг пересохшие губы, я одеревенела. Рука так и застыла у стеллажа со свитерами. – Дмитрий Петрович, что вы...

– Тс-с-с... – шепнул он мне на шею, и против воли я задрожала. Прямо ощутила, как волосы на затылке встали дыбом. А когда его руки сомкнулись на моей талии – мир вокруг замерцал звездами. – Проверяю. Действительно, Машунь, тонкая...

Мне надо было что-то сказать... Что-то сделать... Но я забыла, как дышать, стоять... Все привычные действия показались незнакомыми и такими неправильными. Лишь мужские руки, нежно, но уверенно скольльзящие по коже вверх-вниз, казались чем-то... Чем-то, что жизненно необходимо.

– И? – было единственное, что удалось сложить из бесчисленных букв родного языка. – Какие из этого выводы?

Его нос провел дорожку от темечка до самой шеи. Мне стало физически нехорошо от той гаммы всевозможных чувств, что подарил его жадный хрип во время этого процесса. Будто его возбуждал мой запах. Господи, этого ведь просто не могло быть...

– Никаких выводов, – наконец четко и внятно протянул он, делая что-то совершенно опрометчивое. Нечто, после чего нельзя было уже ступить назад. Он просто накрыл своими ладонями мою грудь. Так, чтобы соски остались сжатыми между подушечек. – Только сухие факты.

Я несдержанно застонала, когда он покрутил соски. Даже не успела губу прикусить, потому что просто не ожидала, что тело ТАК остро воспримет его прикосновения. Словно кто-то капнул воды на оголенный провод.

– Охренеть... Свои... – прорычал он мне в шею, массируя упругие полушария так остервенело, будто в конец помешался. Собственно, именно так он и звучал. – Какая же ты красивая, Машунь. С ума сойти...

Услышать подобное от человека, который за два года наших с Валерой отношений ни разу на меня глаза в глаза не посмотрел – было чем-то из ряда фантастики. Я не верила, что за сутки он мог вспылать ко мне симпатией. Скорее, легкая мишень. Но, бог мой, я ничего не могла поделать со своим мозгом, плавящимся рядом с мужчиной. Все в Дмитрие Петровиче было прекрасно: голос, запах, внешний вид. То, как он вел себя. То, как смотрел. Даже от простого касания – искры из глаз. Никогда такого не было. И как тут отказаться? Даже если ты понимаешь, что это минутная слабость.

– Вы тоже ничего, – выпалила я и тут же покрылась румянцем. Боже, я еще ему в симпатии призналась? Ну, точно крыша поехала...

– Рад слышать, – буркнул он, и мне послышались нотки недовольства в его самоуверенном тоне. Неужели ждал большего? Так вот не дождется!

– Ах... – обессилено откинув голову назад, я ощутила, как одна его рука медленно спустилась вниз. Туда, где между складочек бушевало самое настоящее пламя. Я задрожала, выгибая ягодицы назад, и моментально напоролась на его брюки. Кое-что из них снова выпирало и было очень твердым.

– Я не хотел так, – прорычал он мне, скользя пальцем по клитору. Именно поэтому я вообще не слышала его слова. Пульс отбивал битами в ушах намного громче. – Ты не оставила мне выбора. У меня отличная выдержка, Машунь. Но не сейчас.

Все, что происходило вокруг, напоминало какой-то сюрреалистичный сон... Отец Валеры и я... Этого просто не могло быть!

– Боже, – застонала я, морщась. – Остановитесь...

– Ты действительно этого хочешь? – словно змей-искуситель шепнул мне на ухо, не прекращая своих движений. Я прикусила губу и промолчала, потому что солгать не могла.

– Будьте мудрее, – взмолилась, цепляясь на остатки благоразумия. – Вы старше. Очень сильно. Это неправильно. Так нельзя.

Он глухо выдохнул, будто принимая какое-то решение. Окончательно необратимое. Не для меня, не для него.

– Я тебя хочу, – три слова. Они вторглись в мой мозг, словно вспышка сверхновой звезды. И прежде чем я успела осмыслить их в полной мере, Дмитрий Петрович скользнул пальцами по складкам вниз, слегка проникая внутрь. Будто заигрывая. Утопая в моей влаге. – А ты хочешь меня?

Это было нелепо отрицать, глупо противиться. Не понимая того, произвольно... По какому-то душевному порыву и наитию я медленно раскачивалась на его ширинке, чувствуя каждый изгиб его напряженного органа.

– Этого мало... – попыталась зацепиться я за ускользящую ниточку разума. – Это пройдет...

– Поверь, – как-то грустно и самоуверенно хмыкнул мужчина, – не пройдет.

Внезапно его движения стали резче, агрессивнее, целенаправленнее. Я больше не могла думать и говорить. Это было сделано умышленно.

Не знаю, как Дмитрий Петрович сделал это так быстро... Возможно, время вокруг меня просто растворилось? Но когда он коснулся моей продрогшей ладони, заведя ее назад, то я ощутила пальцами бархатную горячую кожу. Он накрыл моими пальцами свой член, и я сжала его по инерции. Еще до того, как в полной мере поняла, в какую именно игру вписалась.

Мурашки волнами снова и снова бегали туда-сюда, во рту мгновенно пересохло. Губы мужчины находились на уровне моего уха, и я услышала пронзительный хрип из самого нут-

ра. Какая-то часть меня желала этой реакции, гордилась ей. Именно она – та самая часть – изучающе и несмело скользнула вверх-вниз. Дмитрий Петрович путано выдохнул:

– Не останавливайся... – Я почувствовала поцелуй на своем плече. Поощряющий, благодарный. На душе стало так странно тепло, будто кто-то включил печку. – Мне нравится.

Никогда в жизни ранее я не видела член вживую. Собственно, и сейчас я его не видела. Но то, что чувствовали мои пальцы, было большим, приятным, нежным. Головка казалась чуть шершавой, мягкой и шелковистой, а вот сам ствол – толстым, обвитым едва ощутимыми венками.

Стоило сжать его чуть крепче, и он приветливо задрожал под моей рукой, а Дмитрий Петрович явно напрягся. Капелька жидкости выскользнула из верхушки, и я растерла ее по всей длине.

Удивительно, какой смелой я была в тот момент. Какие странные и грязные вещи себе позволяла!

– Все, – устало сорвалось с мужских губ, – Хватит, Машунь.

Я не понимала, о чем он говорит, мыслить совершенно не выходило... Как вдруг Дмитрий Петрович резко дернул меня за руку, заставляя крутнуться на месте и встретиться с ним взгляд. Почва тут же ушла из-под ног.

Бежать было поздно. Прятать голову в песок как трусливый страус – тоже не выйдет. Теперь его глаза смотрели в

мои. Напрямую передавая свои горячие, похотливые мысли. Кажется, в карих зрачках я видела то, что мужчина собирался сделать с моим телом.

От страха грудь моя нервно вздымалась, а рот распахнулся в ужасе. Кажется, кислорода в комнате вообще не осталось!

– Господи, – хотела про себя, но произнесла почему-то вслух. Прозвучало удивленно, ошарашено. – Это ведь и вправду происходит!

Секунду длилось гробовое молчание, разрушаемое лишь биением моего непослушного сердца. Дмитрий Петрович странно вскинул бровь, изучив меня взглядом довольного кота, а затем четко и серьезно отчеканил одно лишь гребаное слово:

– Именно.

А дальше он просто впечатал меня в шкаф своим бешеным, убийственным, доводящим до исступления поцелуем. Никто и никогда не предупреждал меня, что мужчины умеют ТАК целовать... До потери сознания. До состояния, когда ты не можешь вспомнить свое имя. Когда его язык сражается с твоим в заблаговременно неравной схватке. А ты только рада сдать позиции, проиграть, позволить ему пометить «свое».

Дмитрий Петрович был определенно опытным мужчиной. Но его опыт в тот момент волновал меня в последнюю очередь.

Особенно, когда мужчина с душераздирающим рыком выпустил из плена мои опухшие губы и спустился к груди. Сжи-

мая ее руками, он словно игрался с любимыми игрушками. С таким остервенением, будто вот-вот кто-то отберет. Его зубы безжалостно терзали соски, затем язык зализывал «раны».

Когда казалось, что нельзя достичь нового уровня возбуждения, оно снова и снова накрывало меня лавинами. Заставляя стонать все громче и громче. Плевать на мир вокруг. Была только эта комната. Только этот мужчина. И, кажется, он был ровно в той же кондиции «опьянения» – самой крайней.

– Маша, – с каким-то странным упреком и даже угрозой прошипел себе под нос Дмитрий Петрович. Будто я стала причиной бед всего мира. Дымка настолько заволокла мозг, что я даже не нашла в себе силы хоть как-то отреагировать на этот странный выпад.

Но этого и не потребовалось, потому что в следующую секунду он закинул мою ногу на свое бедро, упираясь каменным членом между складочек. Я ощутила, как легко его член преодолел первый барьер, войдя внутрь на пару сантиметров. Паника скрутила органы в крепкий узел.

– Нет! – воскликнула я в полном ужасе, потому что не хотела ТАКОЙ потери девственности. Для меня этот процесс представлялся, как способ закрепления любви между любящими парами, а не... Сексом с отцом бывшего в затопленной общаге. Стоя. Без любви. Мужчина уставился на меня с прищуренными глазами, зубы его закрипели, тогда я судорожно придумала вполне резонную причину свернуть все на корню: – Презерватив! У вас нет презерватива.

Мне показалось, что по лицу Дмитрия Петровича прошла тень, хотя голос звучал с саркастической издевкой:

– Боишься подцепить какую-то заразу?

– Например, – в тон ему выпалила, незаметно отодвигаясь. Хотела убрать ногу с бедра – не дал. Держал так крепко, что кожа начинала саднить от его хватки. А подрагивавший орган до сих пор слегка был внутри. – Ребенка! Не хотелось бы, знаете ли, таких незапланированных приключений.

– Резонно, – на удивленье, серьезно кивнул мужчина, чем заставил меня облегченно выдохнуть. Вот сейчас он оденется, уйдет, и все будет кончено. Навсегда.

Но, куда там! Он оставил меня в покое лишь на мгновение, а потом порылся во внутреннем кармане пиджака, демонстративно раскрутив перед моим носом огромную связку с презервативами. Штук десять, не меньше.

– С тобой никогда не стоит забывать о такой вероятности, Машунь, – будто оправдываясь он, пожимая плечами. – Никогда не знаешь, в какой момент терпение во мне окончательно лопнет.

– «Всегда» – это неполный один день? – закатила глаза я. Бедный, день без секса пережить не мог! Только вот Дмитрий Петрович ничего не ответил, как-то странно хмыкнул и зубами оторвал первый. С клубничкой и пупырышками.

В тот момент снова стало не по себе, как будто мир вокруг поплыл. Меньше всего на свете мне хотелось позорно признаваться Дмитрию Петровичу в своей особенности, но

теперь я не видела другого выхода. Сейчас он разорвет упаковку, и назад пути не будет.

– СТОЙТЕ, – завопила я, голос позорно задрожал. Сглотнув вязкую слюну, я ощутила комок в горле, не дающий выдать ничего внятного. Мужчина ждал, злился. – Я... Я... Я девственница, ясно?

Глава 3

Дмитрий Петрович замер, нахмурился. На лице его за секунды промелькнуло столько эмоций, что выделить какую-то одну совершенно не вышло. А затем он, видимо, определился в своем мнении и натянул какую-то совершенно холодную ухмылочку. Ту, которой одаривал меня все эти два года. Меня прямо передернуло.

– Ясно, – выдал он пространно. – Могла бы просто сказать, что передумала. Мне не тринадцать, чтобы я в подобные сказки верил.

– Что? – от его голоса, полного равнодушия, мне стало почти физически нехорошо. Слезы навернулись. Особенно учитывая, что я до сих пор была полностью голой. Только теперь эта самая нагота показалась мне неправильной. Захотелось прикрыться.

– Ну, давай, – подначивал меня мужчина, – заплачь еще, для полной убедительности, ага. Вы, бабы, это умеете.

Прозвучало непростительно грубо! Будто я и вправду была какой-то проституткой, убеждающей клиента, что невинна, аки Золушка перед балом. Одернув свою ногу резко от его бедра, я выпрямилась по струнке, а затем толкнула мужчину в грудь. Дмитрий Петрович несмело пошатнулся. Кажется, он просто поддался моим желаниям. Потому что невозможно быть сильнее стокилограммового натрени-

рованного мужчины, выше тебя на целую голову.

– И сколько... – зачем-то спросила я, отходя как можно дальше. К самой постели. Было глупо теперь прикрывать грудь, но я не могла сдержать этого желания. Дмитрий Петрович смерил мои движения сжатием кулаков до треска суставов. – Сколько, по вашему мнению, у меня было парней, а? – волком уставившись на Дмитрия Петровича, я ждала его ответа с каким-то нездоровым азартом. И когда он так и не ответил, продолжая буравить меня взглядом, истерически добавила: – Судя по всему, по вашей реакции, я выгляжу, как девушка, у которой их было больше, чем ежедневок.

Вряд ли Дмитрий Петрович понял мою последнюю иронию, но вида не подал. Раздражённо цыкнув, он размашисто провел пятерней по подбородку, неожиданно громко и нервно воскликнув:

– Не знаю, как много их было... Но как минимум одного знаю лично! – Я замерла, перестала дышать. А мужчина наоборот. Пыхтел словно паровоз. Покраснел. И выглядел так, будто в шаге от чего-то плохого. – Вы встречались с Валерой два гребаных года. Два, золотце! И не станешь же ты утверждать, что у вас не было секса, а?! Тем более что ты оставалась у него на выходные каждую неделю. Ка-а-аждую!

– Эмм... Не понимаю, о чем вы толкуете, – шестеренки в моей голове отчаянно не сходились. – НИКОГДА я у Валеры не ночевала! Что за бред? Ха... Да он даже не предлагал. Мы только в институте виделись. Ну, потом могли в кафе

иногда на мороженое сходить... У меня времени нет на всякие «потом». Я в кафе официанткой работаю. Все выходные – ночные смены. Так больше денег... – Я резко замолчала, понимая, как жалко звучу. Самой от себя стало противно. А вот Дмитрий Петрович слушал внимательно. Даже как-то чересчур. – Стоп. А чего это я тут перед вами оправдываюсь? **ВОН!**

– Ты хочешь сказать, – прищунив глаза, мужчина пытался расколоть меня, как на допросе. От его заглядывающего в самую душу взгляда стало не по себе. – Что эти два года у вас так ничего и не произошло? Прямо вообще-вообще?

– Я больше ничего не хочу вам сказать! **ВОН!** – закричала я, указывая рукой на дверь. В моем положении выглядело это глупо. Потому что грудь снова полностью открылась, и Дмитрий Петрович на ней завис.

– Не верю, – сказал он куда-то в прострацию. Как будто не мне, а себе.

– А вам больше и не надо! – многозначительно покашляв, я таки заставила его перестать так бесцеремонно рассматривать мое тело и заглянуть в глаза. А затем указательным пальцем показала направление к двери. – **УХОДИТЕ.** Не хочу вашу больную семейку больше видеть. Никогда!

Он не собирался уходить. Смотрел на меня, будто раздумывая над чем-то безумно серьезным. От эмоций его прямо потряхивало.

– Прости, Машунь, – как-то виновато покачал головой

мужчина, – но, мне это важно. А к гинекологу ты вряд ли поедешь добровольно...

– Что? – понимающе переспросила. – Что вы там за бред себе под нос шепчите? Ах!..

Он оказался рядом за долю секунды, умело и быстро толкнул меня на кровать. Я еще не успела понять, что происходит, а уже была прижата громоздким телом. Он зажал мои губы одной рукой. Видимо, заблаговременно предугадывая мою дальнейшую реакцию. А потом сделал что-то совершенно неожиданное. Два его пальца скользнули в меня массажными движениями. И это было чертовски приятно – нежно, бережно, осторожно... Если бы не факт осознания – он проверял. Проверял, действительно ли я девственница! Даже я ощутила, как Дмитрий Петрович напоролся на какую-то плотную преграду.

– Охренеть... – с чувством и расстановкой протянул Дмитрий Петрович. От звука падения его челюсти вся общага, наверное, проснулась. А ведь она – челюсть – даже не вставная. Не знаю, как глаза из орбит не выпали. – Охренеть, Машунь! Если бы я только знал... Черт его дери! Если. Бы. Я. Только. Знал!

– Что?! Что «если бы вы только знали»?! – оттолкнула его руку от своих губ, зарычала я ему в глаза. У меня не было в комнате ваз по миллиону, зато было много других острых и колющих предметов, которые я же примеряла на его больную голову.

– Да все очень просто, драгоценная моя, – едва заметно пожал плечами мужчина и как-то коварно-довольно улыбнулся. – Забрал бы тебя к себе.

Из меня прямо вырвался истерический смех. Нет, это точно какой-то сон! Может, я в дурдом попала после Нового года в доме Валеры? Или наркотиков от него надышалась? Вот последнее очень вероятно!

– Знаете что, Дмитрий Петрович, – чеканя каждое слово, словно мантру, я смотрела ему прямо в глаза. Никогда раньше не использовала мат. Но тут прямо сам бог велел: – А не пошли бы вы на х*й из моей комнаты?

А он будто меня вообще не слышал! Крепко обнял и положил голову на грудь, томно вздыхая:

– Машунь... А, Машунь?.. – я ничего не ответила, злясь на него до чертей из глаз. Думая, как поскорее выпроводить его в далекое сексуальное к подножью горы Кху Ям. – Что же ты у меня такая хорошая? Прямо страшно!

– Во-первых, не у вас! Так что бояться нечего. Можно облегченно выдохнуть, – нервно хмыкнула, старательно придерживаясь образа девушки не в духе. – Во-вторых, вы вообще слышали, что я сказала? Видеть вас больше не хочу.

– Да слышал я, слышал. Знаешь, из уст девственницы это даже как-то сексуально звучит... Как будто ты не посылаешь, а приглашаешь, – закивал тот, раздумывая. Даже сквозь голос будто слышалась его улыбка. А от кивков головы на го-

лой груди соски так некстати встали колом. Разрядку я ведь так и не получила. Словно уловив мои коварные мыслишки, Дмитрий Петрович бархатно промурчал: – Машунь, золотце... Ну давай я свою вину заглажу, а? Не дуйся только, пчелка моя.

– Не дуться? – ахнула я от его наглости. – Вы мне не на ногу в автобусе наступили, Дмитрий Петрович!

– Не «вы», а «ты», – как снег на голову сморозил он. Я даже дышать престала. Он вдруг поднял голову и посмотрел на меня со всей серьезностью, будто желая видеть мою реакцию на свои дальнейшие слова. – И меня зовут Дима. Ди-ма. Пора бы тебя переходить в этот ранг.

Меня аж передернуло. Настолько неожиданно это звучало.

– Дмитрий Петрович, – демонстративно отчеканила я, с коварной улыбкой проследив за тем, как он сжал зубы и вытянул губы в тонкую линию. – Давайте я вас никак не буду называть, а? Надеюсь, больше не свидимся. Даже нет, не так... Не надеюсь, а молиться об этом буду. Даже свечку вам схожу за здравие поставлю.

– Упертая, – хмыкнул он себе, а затем снова елейно заговорил: – Так вот... О заглаживании вины...

– Не надо мне ничего заглаживать и сглаживать! И гладить меня вообще больше вам не надо, пожалуйста! – воскликнула я.

– Предлагаю временное перемирие, – несмотря ни на что,

закончил свою «глубокую» мысль мужчина, и я вопросительно подняла бровь. Надеюсь, что данное «перемирие» будет заключаться в том, что общение наше сойдет к нулю без взаимных обид. А он как сморозит: – Я тебя девственности лишать не буду. Сегодня. Не комильфо как-то здесь. Если честно, общага твоя – дикий мрак. Врагу не пожелаешь. Был я в притоне бомжей на днях с визитом, так там-то поприятнее будет.

– Многообещающе, – истерически засмеялась я. Намеренно упуская из внимания его посягательства на святое! Пусть наивный депутат думает, что притон бомжей сам по себе лучше нашей общаги, а не к приезду официальных лиц, ага. – То есть то, что это будете вы – вопрос решенный, да?

Дмитрий Петрович от меня отмахнулся и продолжил, как ни в чем не бывало:

– Ты девушка у нас прекрасная во всех отношениях и достойна всего самого лучшего. Я тебе организую все по высшему разряду. Можешь даже предпочтения мне свои записать. Лучше СМС-кой. Можешь даже ссылки покидать, – продолжил удивлять меня это индивидуум. Мои глаза все расширялись и расширялись, пока роговица печь не начала. – Но... тяжело мне, пойми. Хочу тебя, не могу прямо. С ума уже схожу.

– Очень вам сочувствую, – демонстративно неискренне и с улыбкой выдохнула ему. – Ничем помочь не могу.

– Вот тут ты не права, пчелка. Можешь как раз, – не пе-

реставал удивлять меня тот. А затем просто взял и положил мою руку на свой пах. Мужчина сдавленно зашипел, а я снова покрылась румянцем. Потому как Дмитрий Петрович не потрудился кое-что очень твердое в штаны спрятать. – Видишь? Проблема серьезная... Требуешь немедленного вмешательства!

– Так может, вы это, – подмигнула, – профессионалку вызовите?

– Не получится, – горестно вдохнул он, а глаза при этом похотливо засверкали. – Он у меня очень прихотливый. Настроен только на один радар. Твой.

Я задохнулась. Мне показалось, или Дмитрий Петрович только что признался, что у него стоит только на меня? Господи, как же я хотела призвать себя к благоразумию и не верить в эти рассказы, но... Ничего не могла с собой поделаться!

– И, – нервно облизала губы, пытаюсь угомонить бешеное сердцебиение, – как давно?

Он не ответил, будто эта тема была под семью замками. И умело заткнул мне рот, скользнув пальцами между складок. Тело оживилось по щечку пальцев. Требуя того, что так и не было окончено.

Я бы хотела сказать, что ничего не чувствую и очень на Дмитрия Петровича обижена, но... По большей части пребывала в шоке от его наглости, умения переть напролом. И все же идея маленькой мести во мне созрела.

– Вам нравится? – ласково прошептала я, медленно сколь-

зя рукой вверх-вниз. Судя по тому, как потемнели глаза мужчины, – очень. Движения его руки у меня между ног ускорились, и я ощутила, как подкрадывается то самое необыкновенное чувство, что было особенно приятно получать от мужчины напротив. Волна захлестнула меня резко, внезапно, оглушая, сотрясая тело.

– Тебе бы лучше ускориться, Машунь, – словно с угрозой прорычал он. – Я с трудом перебарываю своих демонов. А они все громче доводов рассудка.

– Тогда, – ележно прошептала, – почему бы вам на подушку не лечь, а? Мне так удобнее будет!

Звучало это убедительно и весомо, потому что мужчина резко развалился рядом, едва не переломив надвое мою хрупкую кроватку с железной сеткой. Я же, наоборот, спустилась пониже к ногам. А вот дальше начиналось самое интересное.

– Закройте глаза! – скомандовала я, продолжая нарочито медленно играть с его возбуждением. Мне казалось, словно в такие моменты Дмитрий Петрович мало понимал происходящее вокруг. Он даже говорить не мог, бедный. И смотрел на меня так, будто собирался на ужин пожарить. – Закройте, так быстрее будет!

– Не уверен, мне нравится смотреть на тебя, – качнул головой тот, но все же послушался. В этот момент он был полностью в моей власти.

– Вот так, – закивала я, ускоряя движения. Мои руки плавно скользили по его головке туда-сюда. Снова, снова и снова. – Молодец.

– Может, ты лучше ртом, а? – гортанно прохрипел мужчина, и меня прямо повело, не от того, ЧТО он сказал, а от того КАК. Он просто умолял меня. Как ребенок конфетку у матери у прилавка со сладостями. – Уверен, так я кончу мгновенно.

– В другой раз, – мягко протянула. А про себя с ехидством подумала: «В другой жизни, Дмитрий Петрович»!

Нет, член у него был шикарный. Не каждый порноактер имел такой гладкий и ровный «станок для работы». Это было почти смешно: богатый, красивый, подкаченный и при бабках. Почему он еще не женат?

Я тут же отряхнулась от посторонних мыслей, возвращаясь к плану мести. Коварному и очень жестокому. Мои пальцы изучали головку, скользили по уздечке, обвивали ствол... Дмитрий Петрович распахнул губы, жадно хватая ртом воздух. На лице его сменялась такая гамма эмоций, что мне самой стало жарко.

– Машунь, – наконец он резко качнулся бедрами вперед, до боли сжав покрывало. – Я сейчас...

А затем надо было действовать быстро. Очень-очень. Я вспомнила, как пары просыпала и собиралась, как пожарник – пока горит спичка. Вот навык и пригодился. Резко бросив член, я рванула к шкафу, наугад натягивая на себя первую

попавшуюся красную кофту. Кажется, она была Леры. И задом наперед. Потом какие-то черные легинсы... Не важно. Сапоги застегивала уже в коридоре общежития, тайно хихикая. Было в этом больше нервного, истерического. Потому что в тот момент я бросила Дмитрия Петровича в шаге от оргазма, и вряд ли он этому обрадуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.